

Любовь Марлинского

ОТВОРИВ калитку в воротах, Бестужев-Марлинский вошел в дворик, выложенный плитками. Справа, над стеной, располагалась деревянная галерея. Слева — низкая из камней ограда с нависшим над ней огромным розовым кустом. Около него Бестужев увидел девушку.

— Уж я и не чаяла дожидаться вас, Александр Александрович, — приветливо улыбаясь, проговорила она. — Как условились, пришла за бельем.

Это была Ольга Нестерцова из солдатской слободки Дербента, дочь покойного унтер-офицера. Жила она вдвоем с матерью, Матронею Лазаревной. Нуждались, вот и приходилось подрабатывать. Ее рекомендовала Бестужеву-Марлинскому комендантша Таисия Максимовна. И все бы ничего, если бы не красота девушки. Ей исполнилось девятнадцать, на нее заглядывались, благо не в обычае у русских прятаться за чадру. Бестужеву было хорошо с ней. Бесхитрая и простодушная, с ровным, покладистым характером, резвым умом, а главное — умением, как никто до сих пор, разгонять его невеселые думы, она осветила его мрачное существование.

С каждым днем — он это чувствовал — росло его увлечение Ольгой.

«Девушка — чиста и невинна, как церковная ласточка, — пишет он брату Павлу, делясь с ним своими чувствами. — И невинна во всех смыслах: она не искушена ни в светском притворстве и лжи, ни в примерах литературы, потому что кроме солдатской слободки Дербента не бывала нигде...» В ней он находил прелестную простоту, естественность. Покорная влиянию минуты, она смеялась от сердца, не прятала слез умиления, не запрещала себе краснеть от удовольствия. Можно ли было, узнав ее, не полюбить?!

Неужели, думал Бестужев, теперь взойшла в его душе роковая звезда любви? И что если она ответит на его чувство? Мысль эта пугала: «Нет, пусть сохранит ее небо от роковой к нему взаимности!» Будто он может быть счастливым безмятежной любовью. «Ты не должна, ты не можешь любить меня, — мысленно убеждал он ее, — природа разделяет нас гораздо более, чем судьба». А из души рвались на бумагу строки: «Сердце мое просит любви».

Все чаще Ольга задерживалась у него. Бывало, предлагает ей ужинать, она отказывается, хочет, чтобы он почитал что-нибудь. Читал чужое, читал и свое.

Иногда они встречались в саду Клуз-бека. В тени и прохладе устраивали что-то вроде пикника. Он приносил чурек, сыр из овечьего молока, кое-какие овощи, кувшин вина. Ольга, проворная и ловкая, бралась устраивать «стол». Ему нравилось наблюдать за ней в эти минуты, за ее сноровистыми движениями. «Господи, — говорил он себе, — вот так и надо жить, просто, естественно, вдали от лжи и суеты».

Чем дальше, тем больше он привязывался к девушке. Ольга скрашивала его одиночество, он привык к ней, нуждался в ее присутствии, она стала для него другом, родным человеком. Взгляд ее добрых глаз утешал его, забота трогала. Готовность услужить умиляла.

«Но счастлива ли она?» — спрашивал он себя и мрачнел. Что мог он дать ей, кроме неизбежной разлуки? «И пусть мы сблизимся, пусть ты полюбишь меня, но чем отплачу я за твою искренность и горячность, кроме лишнего печали?» Нет, решил он: «Будь я даже уверен в тебе, я не возмучу тебя признанием».

хозяин Искендер-бек поохотиться. Ольга, узнав об этом, с тревогой предупредила: «Сказывают, под городом снова объявился Мулла-Нур, будьте осторожны».

Бестужев обещал беречься. Когда же вернулся с охоты целым и невредимым, Ольга бросилась к нему на грудь, прижалась, крепко обхватив руками. Он гладил ее русые волосы, как бы успокаивая; вот видишь, все обошлось, я жив и здоров. А про себя думал: это и есть счастье.

Но злой рок преследовал его. Наступил 1833 год, третий год пребывания Бестужева на Кавказе. Однажды, 23 февраля, вечером, часу в восьмом, Ольга пришла к Бестужеву. Дома его не оказалось. Он был у штабс-капитана Жукова — там играли в карты. Ольга попросила денщика сходить за Александром Александровичем. Он явился, и они остались вдвоем.

Что произошло дальше, известно со слов самого Бестужева. В письме брату он сообщал: «Неумолимая судьба не перестала меня преследовать: у меня случилось важное несчастье». В тот вечер Ольга, по его словам, рассказывала ему много смешного, он громко хохотал: «Она резвилась... то вскакивая, то прилегая на подушки, и вдруг кинулась на них правым плечом, оборотась лицом к стене. В этот миг пистолет, лежавший между двух подушек, и, вероятно, скатившийся... от сильного ли движения подушек, зацепясь ли собачкою за косму ковра, или перекинувшись через курок, а может, от другого чего, которого не угадает воображение и не повторит случай, выстрелил и ранил ее в плечо, так что пуля прошла внутрь груди».

В испуге Бестужев кинулся к свечке, чтобы посмотреть, что с Ольгой, но запнулся, уронил свечу, задел круглое зеркало на столике у окна и разбил его. Тогда он сбежал вниз, к хозяину, за светом и поднялся обратно к себе. Увидев, что Ольга без чувств, бросился к соседу, куда ушел денщик, и приказал тому бежать за штабс-лекарем Рождественским, а потом известить дежурного по караулам и уведомить о случившемся коменданта.

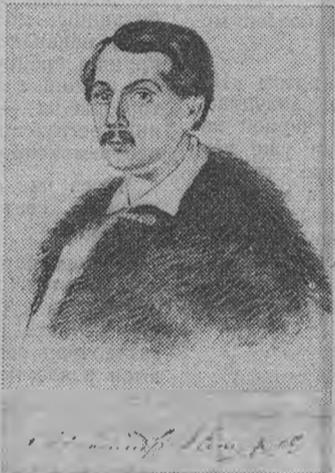
Тут же назначено было следствие. Явились секретарь городского суда Тернов и поручик Корбаков, командир роты, где случилось происшествие, и исполняющий в тот момент должность помощника полицмейстера, пришел и священник Демидович. «Большая рассказала им все, что описал я очень подробно, и потом повторила это двадцати разным особам, и матери, и священнику, наедине и не однажды. посреди ужасных страданий и даже в бреду».

Прожила Ольга недолго. На третьи сутки она умерла от «излияния крови в легкие».

«Я страдал, видя перед глазами несчастную жертву судьбы...» — с болью писал Бестужев. Тем временем слухи, как снежный ком, покатались по Дербенту. А вскоре весь Кавказ, а за ним и столица узнали о происшествии.

О чем только не судачили, какие домыслы и догадки не строили! Легковерные обыватели предпочитали самый банальный вариант — самоубийство из-за ревности. Иначе каким образом

Ольга оказалась в квартире Бестужева с простреленной грудью? Слух этот был настолько живуч, что и в начале нашего столетия, семьдесят лет спустя, еще держался в народе. Дело будто бы было так. К моменту трагедии наступило охлаждение с его стороны. Девушка терзалась ревностью. И вот получила доказательство его измены. В тот вечер увидела у него в комнате забытую женскую перчатку. Ольга решила, что она принадлежит некоей петербургской даме, объявившейся в их городе. Последовала развязка — в припадке умоисступления Ольга выстрелила в себя.

А. А. БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ

Но версия с самоубийством из-за ревности не устраивала любителей кровавых драм. Должно быть убийство. Не сама она, а Бестужев убил Ольдуку — в припадке ревности к какому-то духанчику «положил наповал выстрелом из пистолета».

Как ни нелепы были эти толки, писал историк и журналист М. И. Семевский в 1870 году, но, по словословию «Худая слава бежит, а добрая лежит», они сильно повлияли на дальнейшую судьбу Бестужева. Поэтому я специально остановился на том, как молва на свой лад объясняла гибель Нестерцовой. К тому же «темные рассказы» о ее смерти затрудняли следствие, сбивали его, направляли по ложному пути. Все это, безусловно, отрицательно сказывалось на положении Бестужева.

С военной стороны следователем был определен подпоручик Рославцев, видимо, получивший, как полагают Бестужев, инструкции заранее. «Он пытал болеть три часа, но показания ее не рознились ничем, ибо истина одна вечна» На просьбу Бестужева снять с него допрос явно уклонялся и лишь тогда вызвал его к себе, когда Нестерцова скончалась. При этом «привязчиво подыскивался» под него, обидев однажды явным обвинением.

Больше всего следователя смущал пистолет.

— Зачем вы имели его при себе заряженным? — допытывался он.

Вопрос этот в условиях, можно сказать, почти фронтальной жизни был лишен смысла.

— Я всегда держу пистолет заряженным, — отвечал Бестужев, — предосторожность, мне кажется, не лишняя, особенно в Дербенте, где разбойничают немирные горцы.

В пользу Бестужева говорили многие свидетели: медик Попов, штабс-лекари Рождественский, Тимофеев и, наконец, мать пострадавшей, но едва ли не главным спасителем Бестужева стал священник, принявший последнюю исповедь из уст умирающей. Он сам явился и дал показания.

Хотя следователь так ничего и не нашел против Бестужева, он распускал невыгодные для него слухи. Возможно, здесь и крылся источник сплетен и пересудов, ходивших по городу.

Не остались безразличными к этой истории и в самой столице. Там считали, что она повредила повышению по службе и смягчению судьбы Бестужева. Ни у кого не было также сомнения в том, что «он имел любовницу унтер-офицерскую дочь, которая застрелилась у него в доме», — отмечал Н. И. Греч в своих записках. Но кроме того, что Бестужев при всех называл умирающую своей невестой, никаких доказательств его близости с Ольгой не было. Да и невестой он назвал ее из великодушия, когда мать вознамерилась проклясть дочь. Бестужев пояснил, что Ольга любила бывать с ним как с человеком просвещенным; ему нравилось быть с ней как с умной и доброй девушкой. Обвинение в том, что он будто бы находился с ней в связи, категорически отвергал.

Тем временем дело двигалось по инстанции; росла переписка, шли рапорты.

К сожалению, следственное дело не сохранилось. Правда, М. И. Семевский утверждал, что видел его в 1860 году в Петербурге у одного отставного кавказского чиновника. Будто бы даже просил разрешения сделать из документа извлечения, чем привел чиновника в полный ужас: как это можно не только в печати, но и устно говорить о таких страшных людях, каким в его глазах еще оставался А. Бестужев.

Чем все же закончилось дело о смерти Ольги Нестерцовой?

Из рапортов, которыми обменивалось военное начальство, в частности из рапорта дербентского коменданта, а также из переписки городских властей, хранившейся в дербентском архиве, известно окончательное суждение следствия. В нем говорилось, что «девица Ольга Нестерцова поранила себя нечаянным случаем из пистолета, лежавшего под подушкой единственно из предосторожности от воров, что подтверждается опалением порохом подушек из пистолетного выстрела, виденном при начальном производстве комиссии, и присяжными свидетелями, и матерью ее утвердивши собственное признание девицы Нестерцовой, которая померла после сего на третий день».

Гибель Ольги потрясла Бестужева Жизнь, и без того безрадостная и мрачная, казалось ему, потеряла смысл. Через несколько дней после трагедии он пишет: «Я очень грустен теперь, очень, я плачу над пером, а я редко плачу» Откровенное признание! Впрочем, слезы точат и источают тоску, а она у него «жержном лежала на сердце». То и дело жалуеться он на одиночество: «Нет друга, нет родного вблизи» Теперь Бестужев был «во всем смысле этого слова один!» Он стал раздражителем

лен, желчен. Долгое время не мог приняться за перо: обстоятельства мешали ему жить, не только писать. И все чаще повторял он слова, что «рука судьбы тяготет на его сердце».

Многим Бестужев «казался безумным, страдал галлюцинациями и искал смерти», кидаясь в самые отчаянные предприятия, о чем писал Вас. И. Немирович-Данченко, узнавший об этой истории во время посещения Дербента в 1888 году. Он отказывался верить в возможность изменить свою судьбу и, казалось, расстался со своей мечтой при первой возможности с производством в офицеры выйти в отставку, жить вместе с братьями и сестрами, дышать родным воздухом, «может быть, жениться и кончить дни в семействе». Теперь он мрачно заявлял, что у него нет будущего, что от воли своей он отказался, желать ему нечего, а кладбища есть и здесь, на Кавказе.

Похороны Ольгу с соблюдением обрядов, Бестужев заказал по своему эскизу надгробие на ее могилу.

Отныне нередко видели, как он поднимался по крутому склону на самый верх холма, где находилось кладбище. На открытом месте торчали над поросшими травой могилами несколько крестов. В стороне от них, в юго-восточном углу, почти над самым морем, возвышался памятник Ольге Нестерцовой.

Подолгу, бывало, стоял здесь Бестужев Внизу простиралась лазурь Каспия, и ветер, доносившийся с моря, шептал о безвременной утрате И вспоминалась когда-то прочитанная, запавшая в память строка:

*Бури свирепством
роза погибла!*

Шло время, и память о бедной девушке стиралась. Слова, выбитые на сером камне — «Здесь покоится прах девицы Ольги Васильевны Нестерцовой. Родилась 1814 года Скончалась 25 февраля 1833 года», — уже ничего не говорили тем, кто посещал старое дербентское кладбище Загадочным казалось лишь изображение на противоположной стороне памятника: опаленная молнией роза и короткая надпись — «Судьба».

Четверть века спустя эта лаконичная надпись заинтересовала Александра Дюма во время посещения им Дербента. Романчик попросил рассказать о судьбе той, которая покоилась на старом дербентском кладбище. В ответ он услышал трогательную историю о любви молодой девушки и известного русского писателя. Рассказ произвел глубокое впечатление. Дюма сочинил эпитафию и пожелал, чтобы ее высекали на памятнике. Вот эти стихи:

*Ей было двадцать лет —
она любила
и была прекрасна.
Однажды вечером
погибла она,
как роза
от дуновения бури.
О, земля мертвых,
не тяготи ее —
Она так мало отзогнала
тебя при жизни.*

Пожелание французского писателя исполнили, однако, не совсем точно Слова эпитафии выбили не в нижней части надгробия, как он просил, а на отдельном камне, в виде трехгранной призмы, который установили сверху на памятник Но его постоянно находили сброшенным на землю — видимо, он был недостаточно прочно пригнан к надгробию В конце концов призму эту вообще перевезли с кладбища в Тифлис, где она и хранилась в Военно-историческом музее.